

Папочка, дорогой! Мир твоему последнему пристанищу.

Я не пишу «здравствуй», потому что это письмо в прошлое. С 1942 года от тебя не было ни одного письма. Пришло извещение - «Пропал без вести».

Тебя призвали на военную службу еще до войны, в середине мая. Мне тогда было два месяца, все со слов мамы и старших сестер.

Старшую сестру в самом начале войны взяли на торфоразработки, где она долго была подрывником. Взрывали, корчевали пеньки от деревьев, а потом грузили вагоны торфом – обыкновенными большими корзинами.

Вторую сестру послали на лесозаготовки. Бригадир заплакал, взглянув на таких пятнадцатилетних работников: ему надо было выполнять строжайшие нормы выработки.

Четверо детей оставались возле мамы. Она работала в колхозе от зари до зари. Со мной всегда был брат Саша, это была моя нянька. Детство босоное в прямом и переносном смысле. В школу ходили по очереди, не было обуви, особенно зимой – одни валенки на всех. Весной, как стает снег, и до первых холодов и заморозков ходили босиком, не только по деревне, но и в школу и в лес. Постоянно хотелось кушать, и все ребятишки жевали всякую траву, которая не горькая.

Я пошла в школу уже после войны. В первом классе мне дали премию за хорошую учебу: пять тетрадей, гладких, новых. Ты бы, папа, знал, сколько было радости!

Все лето мы помогали своим матерям. Дома пололи грядки, и поливали, и загоняли домой скотину.

К вечеру уходили в поле и снашивали на середину полосы снопы, чтобы мамы поскорее поставили их в «бабки». Льяные снопы были легкие, а вот ржаные до сих пор не забылись – длинные, тяжелые. Босиком по стерне, оставались занозы, а утром мама их вытаскивала и чем-то ноги мазала. А вечером опять все то же.

Мама и после войны поджидала тебя. Пропал без вести – не значит погиб. Может в плену, может в партизанах, а после плена всех отправляли в лагерь. Может, в конце концов, живешь в другой семье, ведь всякое бывало. Письма я твои перечитывала, когда уже стала взрослой, и в каждом, похоже, ты не надеялся выжить, в каждом – «Прощайте, простите, прощайте».

После войны трудно было с налогами, госпоставками: если корова – молоко, коза – пух, овца – шерсть и мясо. Но никто не роптал. Как у поэта Мельникова: «Ни упрека, ни борьбы, одно лишь Господи помилуй, и вера в праведность судьбы».

Я сейчас живу в селе Новинки, возле церкви, в которой и вы с мамой крестились, венчались, а потом мама пела в церковном хоре до самого закрытия церкви. Мама ушла в мир иной 22 февраля 1996 года, похоронена у этой церкви.

Все пять сестер и брат еще живы, здоровье у всех так себе, много уже прожито и очень много работали. Я проучилась семь классов – и на ферму, и продоила коров сорок лет. Всегда на хорошем счету. Награды, подарки, путевки. Все было приятно. Спасибо, отец, и низкий поклон тебе и всей нашей армии, что отстояли страну, дали нам свободно трудиться, воспитывать детей и внуков. Спасибо, что нас много – Лариса, Людмила, Надежда, Антонина, Александр и я, Елизавета. Все мы прожили честную, трудовую жизнь, и никто не оступил на скользкой дорожке.

Благодаря нынешним технологиям, интернету, дочь Надежды, Галя, нашла место твоего захоронения. Хотелось бы посетить тебя, отвезти горсть родной земли. Но это очень далеко и очень дорого.

У поэта Александра Дольского есть такие строки:

«Мне звезда упала на ладошку,
Я ее спросил – откуда ты?
Дайте мне передохнуть немножко,
Я с такой летела высоты».

Я не знаю, кого имел в виду поэт под этой звездой, а я думаю, что это была твоя душа, папа. Мир праху твоему, отец. Прощай, прости, прощай.